

К 75-летию Рауфа Абдуллаева

«СЛУЖЕНИЕ МУЗ НЕ ТЕРПИТ СУЕТЫ»

29 октября 2012 года исполнилось 75 лет крупнейшему азербайджанскому дирижеру Рауфу Абдуллаеву – музыканту, многие годы олицетворявшему национальную исполнительскую школу и пользующемуся большим авторитетом Международного музыкального сообщества. Почти двадцать лет, с 1966 по 1984 год, он возглавлял Азербайджанский государственный театр оперы и балета имени М.Ф. Ахундова, а с 1984 являлся главным дирижером Азербайджанского государственного симфонического оркестра имени Уз. Гаджибекова. Одновременно, с 1979 года, Абдуллаев – главный дирижер Камерного оркестра Оперной студии Азербайджанской консерватории, созданного по инициативе Кара Караева. В 1991–1997 годы маэстро находится в Турции, занимая должность главного дирижера (1991–1994), в 1994–1997 годы – дирижера Анкарского театра оперы и балета. По возвращении в Баку, с 1998 года он вновь возглавляет Азербайджанский симфонический оркестр. Сердечно поздравляя юбиляра, мы попросили порассуждать о его жизни и творчестве композитора Фараджа Караева и музыковеда Рауфа Фархадова, давно и не понаслышке знакомых с искусством прославленного мастера.

Рауф Фархадов: Иногда кажется, что биографию Рауфа Абдуллаева можно начать с любого момента, и в любом найдется что-то и для него, и для азербайджанского искусства в целом важное и интересное. В его биографии, практически, всякий факт – факт личности яркой, неординарной. Взять одно то, что он – один из трех братьев Абдуллаевых, каждый из которых является собой некую культурную эпоху. Старший Кямал с равным успехом принадлежит как азербайджанскому, так и русскому искусству: в 1950-е – главный дири-

жер Бакинского оперного театра, с 1962-го и долгие годы – главный дирижер Московского академического музыкального театра имени К.С. Станиславского и Вл.И. Немировича-Данченко. Много лет, будучи профессором, вел класс симфонического дирижирования в Российской академии музыки имени Гнесиных. Средний Азербайджан – прекрасный гобоист, с красным дипломом окончивший Московскую консерваторию и аспирантуру, почти тридцать пять лет заведовавший кафедрой духовых и ударных инструментов в Бакин-

Рауф Абдуллаев

ской консерватории и написавший едва ли не первое в Союзе пособие «Теория и практика исполнительства на гобое». Остаться в тени таких «масштабных» братьев считалось бы вовсе не зазорным.

Он же, Рауф, стал самой авторитетной и значимой фигурой азербайджанской дирижерской традиции конца XX — начала XXI века. Музыкантом, не просто перевернувшим представление о дирижерском искусстве в Азербайджане, но и продемонстрировавшим удивительный по тем временам универсализм, когда стало понятно, что можно одинаково качественно и успешно исполнять как музыку классическую, романтическую, так и произведения радикально-авангардного толка. Тогда это было вдвойне необычным для дирижерской профессии шагом — ведь дирижеров, способных высокопрофессионально исполнять и классику, и авангард и по сей день по пальцам перечесть — ибо понимание иной культурной стратегии пришло в нашу музыку гораздо позднее.

Пожалуй, только к XXI веку обозначилась та историческая дистанция, когда окончательно прояснилось, что возникла новая модель культурного пространства, где культура перестает быть полем сражений различных художественных идеологий, направлений, воззрений, практик и школ; что все в музыке, если оно гениально или талантливо, существует гомогенным и статическим и что самые противоположные и даже взаимоисключающие композиционные эстетики, стили и технологии есть момент еще большего проявления (и выявления) некоего единого музыкального истока и первоизданности. Потому-то и удивительно, что все это пришло к Абдуллаеву много раньше, и, на мой взгляд, его выступления и концерты, во всяком случае в Азербайджане, стали предвосхищением того осознания музыки, которое наступит десятилетия спустя. Согласись ли ты со мной, что творчество Абдуллаева, его понимание *музыкального* в целом оказалось для национального искусства новаторским и что для азербайджанского исполнительства он стал первопроходцем, предопределившим пути его развития?

Фарадж Караев: Думаю, что не только для азербайджанского, но, во многом, и для всего советского — не надо забывать, о каком времени идет речь. Давай-ка конкретизирую... Вот первые три Фестиваля «Музыка XX века» имени К. Караева, Баку, 1986, 1988, 1990 годы. В программе: Веберн, Лютославский, Шнитке, Шёнберг — Скрипичный концерт с Л. Исакадзе, А. Берг — Скрипичный концерт со швейцар-

цем Г.Х. Шнеебергером, Стравинский — Концерт для фортепиано и духовых с А. Любимовым и многое другое. И в эти же годы в Бакинской филармонии постоянно звучат Бетховен, Шуберт, Брамс, Брукнер, Малер. Но я бы не стал говорить об «универсализме», подразумеваемом под собой некую «всеядность». Скорее, здесь прослеживается четкая тенденция — приоритет австро-германского симфонизма: пристрастие, выкристаллизовавшееся в годы учебы в классе профессора Николая Семеновича Рабиновича в Ленинградской консерватории.

Р. Ф.: Авторитет Николая Семеновича был непревзойденным?

Ф. К.: Дело не в этом... это не просто «авторитет», это и не «пиетет», это нечто неизмеримо большее. Однажды поинтересовался, как это ему удастся с такой легкостью ориентироваться в ритмических хитросплетениях современных партитур, ведь вряд ли профессор учил преодолению трудностей именно такого характера. Ответ был удивительным и по краткости, и по смыслу, Рауф ответил: «Коля не учил дирижировать, Коля учил Музыке». Этим было сказано все..., но надо было еще и услышать, с какой нежностью было произнесено имя «Коля»!

Р. Ф.: Насколько я знаю, после возвращения из Ленинграда в Баку путь Рауфа на концертную эстраду Азербайджанской государственной филармонии отнюдь не был усыян розами.

Ф. К.: Действительно, в Баку в ту пору властвовал Ниязи и пробиться на сцену филармонии было практически невозможно. Правда, бывали и исключения... Первый концерт Рафика — так звали его домочадцы и близкие друзья — в филармонии с Азербайджанским государственным симфоническим оркестром имени Уз. Гаджибекова состоялся в 1966 году. Помню, мне тогда позвонил Олег Фельзер и сказал, что выпускник Ленинградской консерватории дирижер Рауф Абдуллаев дает концерт-дебют и надо обязательно пойти — программа интересная: «Оксфордская» Гайдна и Десятая Шостаковича. Имя Р. А. мне тогда, в общем, мало что говорило, но услышать Десятую вживую было очень заманчиво. Концерт превзошел все наши ожидания, мы были в восторге — в основном, от Шостаковича, исполненного с мудрой сдержанностью и не по годам зрело.

Р. Ф.: «Оксфордская» тогда не затронула?

Ф. К.: О Гайдне чуть позже, это достаточно интересная ситуация, чтобы на ней остановиться отдельно.

После дебютного концерта мы с нетерпением ожидали новых встреч., одна из которых состоялась довольно неожиданно. В 1972 году Белла Давидович получила разрешение властей дать перед отъездом за рубеж концерт в своем родном городе. Ниязи, в то время шеф Оркестра, категорически отказался музицировать с «предательницей Родины». Тогда за пульт встал Рафик., и творческое содружество двух бакинских музыкантов, зародившееся в такой необычной обстановке, продолжается и по сей день.

Не менее примечателен еще один случай «проникновения» Абдуллаева на эстраду филармонии. В 1980 году в Баку ждали Хоровую капеллу имени А. Юрлова. Интерес к концерту был огромный, моцартовский «Requiem» не звучал в Баку около двадцати лет, и весь город только и говорил о предстоящем событии. Но буквально за пару дней до концерта в Москву летит телеграмма об отмене гастролей Капеллы в связи с болезнью Ниязи и невозможностью заменить его кем-либо из местных дирижеров. Далее события развиваются с калейдоскопической быстротой: из Капеллы звонят Кямалу Абдуллаеву с просьбой заменить «выбывшего по болезни» Ниязи; Кямал рекомендует вместо себя своего младшего брата Рауфа, звонит ему в Баку и рассказывает о прекрасной возможности продирижировать «Requiem»; следует отказ: молодой дирижер знаком с партитурой не настолько хорошо, чтобы встать за пульт; получает нагоняй от старшего брата, за пару дней выучивает партитуру и — блестяще проводит концерт!

Успех был ошеломляющий!

Р. Ф.: В 1971 году в Москве проходил Всесоюзный конкурс дирижеров и, насколько я знаю, Абдуллаев должен был принять в нем участие. Но в числе соискателей его имя так и не было заявлено. Было ли это связано с тем, что он, как это ни парадоксально звучит по отношению к его профессии, абсолютно не публичный человек?

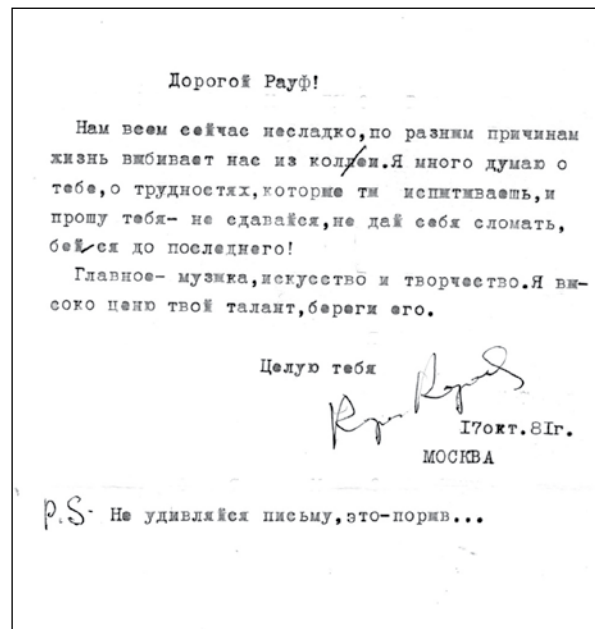
Ф. К.: Он — индивидуалист, быть может, даже интроверт с четко и недвусмысленно выраженным кредо — «служенье муз не терпит суеты». Достаточно инертен во всем, что происходит до того момента, пока он не направляется к дирижерскому пульта. Тут он преображается, от замкнутости и безразличия к окружающей его действительности не остается и следа, теперь это властный и жесткий хозяин, досконально знающий все достоинства и недостатки своих подданных, властелин, который ценит и лелеет первые; выправляя силой своего мастерства, таланта и интеллекта вторые.

А вот всякого рода музыкальные, как это принято сейчас говорить, «тусовки» ему чужды, как чужды всякого рода сборища-сообщества, в том числе и музыкантские. Работа над партитурой и выход к оркестру — именно в этом и заключена вся его жизнь.

Основная причина, по которой он в последний момент отказался от участия в конкурсе, думаю, лежит именно в этом. Но, как говорится, нет худа без добра. Узнав об этом, обеспокоенный произошедшим Кара Караев пригласил молодого дирижера к себе. Состоялся серьезнейший разговор, который, по слухам, проходил на повышенных тонах. Результатом же встречи стала крепкая творческая дружба композитора и дирижера, полное доверие автора к исполнителю, вера в его творческие силы и всемерная поддержка, которой порой так не хватает молодым музыкантам. Привлекало в молодом дирижере и спокойное достоинство лидера, отсутствие квазиромантической составляю-

щей и гипертрофированных эмоций, с которой отец в последние годы никак не мог примириться ни в своем творчестве, ни в его интерпретаторах.

Рауфу Абдуллаеву посвящена симфония «Гойя», премьерой которой в Москве он дирижировал уже после кончины композитора. Последнее письмо К. К., написанное незадолго до кончины, адресовано именно ему:

Р. Ф.: Насколько помню, поворот Караева-старшего, выражаясь языком музыковедения середины прошлого века, к новым авангардным средствам музыкальной выразительности вызвал переполох в стане ревнителей старины. Именно таким хранителем традиционных ценностей был Ниязи, во всеуслышание заявивший, что, пока он жив, Скрипичный концерт К. К. в Баку звучать не будет. И тем не менее Концерт прозвучал.

Ф. К.: Да, с таким мастодонтом, каким был Ниязи, бороться было практически невозможно. Его авторитет в верхах, завоеванный блестящими выступлениями в 1940—1950-е годы, был непоколебим, а К. К. к тому времени с нами уже не было. И все же через семнадцать лет (!) после московской премьеры, после череды триумфальных исполнений выдающимися скрипачами — среди которых и Г. Кремер! — во многих городах Союза Концерт был исполнен и в Баку.

8 февраля 1983 года, в Дни 65-летия К. К., симфонический оркестр Азербайджанского государственного театра оперы и балета, дополненный артистами Камерного оркестра Оперной студии консерватории по инициативе и под управлением Рауфа Абдуллаева с триумфальным успехом озвучил его премьерное исполнение в родном городе композитора. По предложению дирижера в качестве солиста выступил студент Азербайджанской государственной консерватории В. Богдановский, блестяще, не побоюсь преувеличения, справившийся с труднейшей сольной партией. В те годы оркестр Оперного театра, возглавляемый Абдуллаевым, был во многом гибче и мобильнее филармонического. Молодые же музыканты Камерного, вчерашние студенты, прошедшие в консерватории под руководством профессора Р. Абдуллаева отличную

школу исполнения современной музыки — в репертуаре Камерного был представлен весь спектр музыки XX века от «классика» Стравинского до сочинений «московской тройки» Шнитке, Денисова и Губайдулиной, — привнесли в игру коллектива свежесть и обаяние молодости. Это обстоятельство, кстати, отмечал и Шнитке, сказавший в адрес дирижера и возглавляемого им Камерного оркестра немало теплых слов после исполнения Первого Concerto grosso в Москве в зале ВДК.

Р. Ф.: Мне вообще кажется, что Рауф — человек не просто честный, принципиальный, но подразделяющий даже такие вещи, как, допустим, долг и внутреннее убеждение. Долг для него — значит должен и обязан, а вот внутреннее убеждение, особенно если дело касается творческих вопросов, абсолютно непоколебимо: так есть, так будет. И еще меня всегда удивляло, как в нем сочетался дирижер-аналитик, дирижер, строго блюдуший законы музыкальной науки, и дирижер-творец, дирижер, опровергающий каноны и идущий наперекор, вразрез. В первом случае он ищет, выявляет в произведении всеобщее и универсальное для искусства, в другом — открывает, обнаруживает в произведении единичное и неповторимое. И так у него везде, независимо, будь то философские симфонии Бетховена, Шуберта, Брамса или Малера, сложнейшие томительно-бесконечные Вагнер или Брукнер, драматичный Верди, многоликий Стравинский, глубокомысленный Шостакович, предельно экспрессивные нововенцы, радикальные авангардисты второй половины XX столетия или вечно ищущие возможности слияния западного с восточным земляки-бакинцы. Думается, если искать какие-то исторические параллели, то в своем искусстве Абдуллаев более всего близок — хотя понимаю, что сам Абдуллаев вряд ли со мной согласится, — Отто Клемпереру, Бруно Вальтеру и Вильгельму Фуртвенглеру. С Клемперером роднит не только точность жеста с его подлинной театральностью, но и потрясающее понимание драматургической стратегии и тактических «мелочей» — ни одной не упустит. С Вальтером — тонкое понимание оркестровой психологии, малейших психологических изменений и настроений и одухотворенность только «по делу» и по существу, а не ради внешнего эффекта и игры на публику. Ну а Фуртвенглер... Может, преувеличиваю, но знаю лишь двух дирижеров — Абдуллаева и Фуртвенглера, в чьих медленных частях время буквально исчезает. Впрочем, что-то я совсем «замузыкался», а ведь хотел спросить, что это за история с «Оксфордской»?

Ф. К.: «Оксфордская» до сих пор остается одной из его любимых классических симфоний. Эта любовь передалась и мне, и долгое время я ревниво сравнивал любое исполнение с абдуллаевским. Как-то по ТВ симфонию давали в трактовке признанного мастера дирижерской гильдии, стоявшего за пультом одного из лучших советских оркестров. Исполнение было вполне безупречным... пока не наступил Финал. Если ты помнишь, та часть начинается с затакта, и Признанный Мастер вначале продирижировал один пустой такт. Как понял даже я, не слишком искушенный в практической стороне дирижерского искусства, это было сделано с тем, чтобы при вступлении оркестра удалось четко зафиксировать *zusammen* [нем. «вместе» — ред.] коварную затактную восьмушку. Зрительно выглядел этот момент чрезвычайно убого, и исполнение всех предыдущих частей мгновенно потеряло элемент при-

влекательности. При встрече с Рафиком я осторожно поинтересовался сим обстоятельством, на что он отреагировал весьма своеобразно: «Коля за такое просто выгнал бы из класса!» Тогда, продолжая разговор, спросил, каким же образом удастся ему избежать пустого махания руками перед молчащим оркестром — ведь он никогда подобного себе не позволяет. Пожал плечами, удивляясь моей наивности, ведь это так просто: надо выдать нужный «посыл» музыкантам, пропев, скажем, про себя пару раз первый такт, и «зарядить» тем самым оркестр на нужный темп и нужную ритмическую пульсацию.

Р. Ф.: Да, ничего не скажешь, очень просто махнуть рукой в нужном месте в нужный момент. Я тут, готовясь к диалогу, просмотрел список сочинений, продирижированных Абдуллаевым, гастрольные страны и города, количество солистов, выступавших с ним, — тут, что ни имя, сплошь великие и выдающиеся, перечисление можно начинать строго по алфавиту, ни одной буковки не упущено. Словом, Книга Гиннеса ждет и в первом, и во втором, и в третьем случаях. Но более всего впечатляет, сколь много сделано для пропаганды азербайджанской музыки. Честно говоря, навскидку и не вспомню другого современного исполнителя, так часто и качественно исполняющего опусы своих земляков.

Ф. К.: Так было долгие годы, на всех Пленумах, Съездах, чередой бесконечных юбилейных концертов. Меня всегда удивляло, с какой ответственностью он относится к каждой, даже самой малозначимой или — да простят меня мои коллеги — невнятной партитуре. А ведь многое из этого бесконечного сонма игралось, как говорится, одновременно дважды — в первый и в последний раз. И было жаль его самого, его энергию, его время, которое можно было бы потратить гораздо более продуктивно. Нередко я пытался что-то советовать, бурчал по этому поводу, но брюзжанье мое не замечалось им в упор — играл он музыку своих земляков всегда часто и качественно — и хорошо, и не очень. Но вот «хорошая» музыка композиторов старшего поколения — А. Меликова, Х. Мирзазаде, Ак. Ализаде всегда была украшением его съездовских программ, а для авторов каждый творческий контакт с маэстро становился настоящим праздником.

В прошлом году — или позапрошлом? Время летит! — он по собственной инициативе неожиданно для всех, включая руководство Союза композиторов, составил программу из сочинений композиторов среднего поколения, людей талантливых, но звучащих редко, и сыграл сочинения Э. Мирзоева, А. Мамедовой, Р. Халилова и безвременно ушедшего И. Гаджибекова. Обычный филармонический концерт...

Р. Ф.: Да, это тоже в наши дни большая редкость. Помнить и не забывать ушедших не на словах, а на деле... В начале нашего разговора ты упомянул о первых трех караевских фестивалях. К слову, мне все еще удивительно, что Рауф с таким азартом и удовольствием ввязался в эту чудесную «авантюру». Ведь на момент Первого фестиваля 1986 года он был человеком более чем статусным: и с госзваниями, и госрегалиями, и главный Бакинского симфонического... Тогда как Фестиваль со всеми своими авангардами и радикалистами был не просто альтернативой, но вызовом всему этому официозу и «госу». Ну да ладно, видимо, тема отдельная и длинная. Так вот, давай вспомним и Четвертый, который прошел в 2011-м через двадцать один год после предыдущего и где Рауф вновь велико-

лепно исполнил две потрясающе сложные и насыщенные программы.

Ф. К.: Раскручивая ленту памяти, хотел бы еще раз вспомнить слова ветерана швейцарской скрипичной школы Г.Х. Шнеебергера, признанного знатока современной музыки, одного из самых тонких исполнителей Концерта А. Берга, сказанные им на Первом караевском фестивале. Тогда он во всеуслышание заявил, что за последние годы у него не было такого тонкого и чуткого сопровождения в Скрипичном концерте А. Берга, какой был сегодня с Рауфом Абдуллаевым.

Р. Ф.: Так, может, и о Четвертом слово предоставить его участникам.

Ф. К.: Не возражаю.

Патриция Копачинская
(скрипачка, Швейцария):

– Мне было очень комфортно музицировать с этим прекрасным музыкантом. Концерт в Баку стал для меня одним из самых интересных событий за последнее время, связанных с современной музыкой. За пультом – это волевой партнер с безупречным и четким жестом, а в общении – удивительно мягкий, интеллигентный человек.

Александр Ивашкин (виолончелист,
дирижер, музыковед, Великобритания – Россия):

– С Рауфом Абдуллаевым я познакомился несколько лет назад в Баку, когда дирижировал Филармоническим оркестром. Было ясно, что маэстро воспитал замечательный коллектив, сообщество единомышленников, понимающих его с полувзгляда. Это естественное единение с оркестром встречается нечасто, особенно после многих лет совместной работы... Но в оркестре нет усталости, и, особенно когда за пультом сам маэстро, музыканты играют с невероятной отдачей, вдохновением.

Имя этого легендарного дирижера мне было хорошо известно с юности, и в прошлом году, знакомясь, я волновался. Но волнение прошло мгновенно – необыкновенно простой и обаятельный, маэстро излучает особую ауру. Играть с Абдуллаевым в качестве солиста – огромное удовольствие, мы исполнили Виолончельный концерт Владимира Тарнопольского на Четвертом фестивале памяти Кара Караева в Баку. Дирижер ничего не навязывает и, следуя за солистом, естественно и органично «ведет» его сквозь оркестровую ткань. Особый разговор – это необыкновенно пластичные и выразительные руки Абдуллаева, никогда не диктаторские и не формальные, но всегда предельно ясные и недвусмысленные. В этом маэстро по-настоящему уникален. Как, впрочем, и во многом, многом другом... Пусть же молодость еще долго не покидает его.

Татьяна Рекрот
(музыковед, Германия):

– Таким дирижером, как Рауф Абдуллаев, может гордиться не только Азербайджан, но и вся мировая исполнительская культура. Истинный последователь большой русской дирижерской школы, он уже много лет связан с оркестром Азербайджанской филармонии, это – его детище, которое он взрастил,

которое оберегает и за которым трепетно следит. Его оркестр имеет «свое» лицо, свой звук, отлично сбалансированный и интонационно-выверенный, репертуар оркестра огромен и включает сочинения всех исторических эпох.

Бескомпромиссный, требовательный, прекрасно понимающий и чувствующий форму и стиль сочинения, будь то европейская классика, либо же сочинения современной музыки, он всегда готов для серьезных экспериментов. За внешней суровостью – эмоционально открытый, чуткий человек, вникающий во все проблемы и помогающий решать их быстро и эффективно.

Многих Вам лет жизни, Вам и Вашему оркестру!

Владимир Рунчак
(композитор, дирижер, Украина):

– Оркестр, Абдуллаев «на высоте». Скупой, не показной жест, без лишней клоунады и гимнастики, так характерных для поколения нынешних «молодых талантов». Он настолько уверенно и суперпрофессионально держал штурвал оркестра в своих руках, что казалось даже, что он невозмутим и хладнокровен в своей уверенности, все полностью контролирует и даже случайность невозможна.

Виктор Екимовский
(композитор, музыковед, Россия):

– Много лет с неизбытым интересом наблюдаю за творчеством этого блестящего дирижера. О том, какого масштаба и уровня личность Абдуллаева, говорить можно столь долго, сколь и восторженно. Скажу лишь одно – самое замечательное в нем: он не перестает прогрессировать, удивляя новым взглядом на вещи знакомые и открывая имена и произведения поистине неожиданные и неординарные.

Р. Ф.: Пожалуй, достаточно. А что с Пятым?..

Ф. К.: Запланировано исполнение Симфонии Лючано Берно.

Р. Ф.: Как-то ты говорил, что любое воспоминание о коллеге, друге или соавторе есть не что иное, как рассказ ... о самом себе. В сегодняшнем разговоре Ф. Караев фигурировал никак не меньше нашего юбиляра. Порой казалось, что ты также празднуешь юбилей и что ты также все заново испытываешь и переживаешь. Твое «Я» в равной доле соседствует с Рафиком, Рауфом Абдуллаевым.

Ф. К.: Что тебе ответить?.. Ты, конечно, прав. Но я лишь рассказчик, свидетель тому, что происходило – ведь пройдена целая жизнь и дел музыкальных сделано немало.

Р. Ф.: Ну а раз пройдено, сделано, пережито... Что тогда еще добавишь?

Ф. К.: Что же, завершаем наш разговор... и тут, конечно, вполне уместны традиционные пожелания юбиляру: здоровья, долгих лет жизни, положительных эмоций, сил нравственных и физических. И добавлю, быть может, не вполне в фанфарном духе: было бы разумно и честно, если бы количество негативных эмоций, всякого рода внешних протуберанцев и ударов извне, наносимых Музыканту, положившему всю свою жизнь служению родному искусству, сошло на нет, или хотя бы было сведено к разумному минимуму.